

Пуля - дура. Я живой

☆☆☆☆☆☆☆☆☆☆☆☆☆☆☆☆☆☆☆☆☆☆☆☆☆☆☆☆☆☆

22 июня 1941 года мы находились в гарнизонном карауле. Дня два охраняли порученные нам объекты, а потом заняли оборону. Первоначально у нас в Карелии немцы и финны активны действий не вели. Шла обычная перестрелка, поиски разведчиков. Мы сидели в землянках, рассказывали разные истории и поочередно сменяли друг друга на огневых. Так продолжалось до середины августа. К этому времени немцы южнее нас уже подошли к Ленинграду. В двадцатых числах двинулись и на нас. Я тогда был ротным минометчиком. Миномет - страшная штука, которая в пределах 800 м могла истребить все живое. Мин у меня было много, но, получив приказ об отходе, я со вторым номером мог взять с собой не более десяти. Все остальное выпустил в сторону противника, стрелял, наверное, часа два.

Началось мое первое отступление. По приказу. Непосредственно против нас нажима не было, но на флангах враг уже вышел на наши тылы. И мы тоже попятились. Ночью без боя отошли на вторую линию обороны, которую кто-то когда-то подготавил. Окопы, ходы сообщения. Укрытый, правда, не было. До рассвета заняли эти окопы, утром сожгли два сарая впереди, которые закрывали сектор обстрела. Все спокойно. Тихо у нас, ничего не слышно и там.

Рассвело. Собрался было приготовить себе завтрак, разжег костер в сарае, повесил котелок с водой, чтобы сварить кашу (сухой паек), но вдруг в боевом охранении раздались выстрелы. Выглянул. На дороге, по которой мы отступали, стоит машина. Не наша. Я бегом туда. Вижу: из машины выскочили двое. Одного наши подстрелили, а другой успел забежать за сгоревшие сарай и скрылся. Я подбежал к машине - пусто. За машиной тянется по дороге проводок - телефонная связь. Под сиденьем нашел портфель, какие-то газеты и бегом к командиру взвода. Может, там важные документы. А сам опять в боевое охранение. Прошло с полчаса. Тихо. Вдруг по нашим окопам шквал артиллерийского огня. Минут десять били. Стенки окопа начали осыпаться, я выбежал и укрылся за каменными фундаментами сожженных сараев. Обстрел прекратился. Немцы пошли в наступление. Стал стрелять. Есть один, другой, человек семь или восемь насчитал. Убил или ранил - не знаю. Пока немцы наступали сверху, я их щелкал, а спустились ниже, их не стало видно. Вылез из-за фундаментов и перебежал за стоящей рядом большой дуб. Еще подбил одного - двух, в азарте позабыл про опасность, высунулся совсем из-за дуба. И тут меня засекли. Вдруг почувствовал, что будто кто ударил палкой по зубам... Закружилась голова, упал... Почему-то перед глазами промелькнули дом в Канаше, мать - дальше не помню.

Очнулся... Сколько был без сознания, не знаю. Кругом никого, тихо. Сообразил, что все наши ушли. Меня бросили. Решили, что я убит. Встал на ноги. Ничего, ноги держат. Пуля попала мне в верхнюю губу, выбила зуб, пробила насквозь язык, заднюю стенку пищевода и вылетела в затылок. Прошла рядом с сонной артерией и где-то в сантиметре от шейного отдела позвоночника. Бог все-таки есть - пройди пуля чуть-чуть правее или левее, была бы смерть.

Очнувшись после ранения, я стал отходить. Как раз было

Добрый день! Пишет вам дочь полного кавалера ордена Славы Парминова Александра Андреевича Татьяна. 26 августа 1994 года от стало... А он так хотел дожить до 50-летия Победы! После его смерти в нашем доме осталась небольшая самодельная книжечка воспоминаний о наших предках, о жизни моего отца от рождения его до 67 лет. Писал он все это не для печати, а для нас - своих детей, внуков и правнуков, чтобы не были Иванами, не помнящими родства, чтобы хоть что-то могли передать последующим поколениям. Из воспоминаний отца я выбрала отрывок о том, что значила война для 19-летнего деревенского мальчишки...

С уважением Парминова Татьяна.

затишье. По кювету вдоль дороги иду к своим. Прошел под мостом, ручеек совсем маленький, неглубокий. А дальше надо хоть и по кювету, но подниматься вверх. Меня видно как на ладони. Ослаб, поднялся немного, тут меня и заметили. Догоняет пуля, прошивает руку ниже локтя. Чуть полежал, пригнувшись, иду дальше. Третья пуля впиивается в бок, между ребрами. Боли нет. Просто бежит кровь, тепленькая. Впереди уже вижу свои окопы, ребят. Поднимаюсь - и опять пуля, на этот раз под правую лопатку (она, как память, до сих пор сидит там, почему-то не стали удалять). Ну, думаю, теперь не возьмешь, от своих отделяет только дорога. Опять отдохнул, вскочил - и свалился на руки ребятам. И что интересно, все, что я сейчас вам рассказал, произошло за каких-нибудь час-полтора.

Отправили в санпункт батальона. Тут же штаб, кругом бегают люди. Затащили в санитарный фургон. Тут лежат еще трое: двое с подбитыми ногами, третий с рукой, ждем отправки, но что-то не везут. Вдруг слышим крики, выстрелы из пушек. Откуда они здесь взялись? К нам заглая дывает знакомый мне капитан. Кричит: "Что вы здесь сидите, ведь нас окружили немцы! Все уже уходят в лес. Ну-ка, выбирайтесь!" Ноги у меня целы, выкарабкиваюсь, за мной тот, раненный в руку. Последними углубляемся в лес. Оказывается, пока мы в ожидании отправки сидели в фургоне, уже и штаб батальона, и нашу санроту окружили немцы. Я с трудом выбрался с повозки, народу мало, все скрываются в лесу, оставшиеся жгут какие-то бумаги (уничтожали штабные документы, чтобы они не оказались у противника). Подаюсь и я туда, куда идут люди. Солнце поднялось выше, наверное, уже дело к полудню, в лесу и среди болот жарко, душно. Здоровому, ладно, можно идти, но ведь не гладкая дорога - кочки, ямы, пни, бурелом - все на пути. Ни одной тропинки. Наверное, прошагал минут 10-15, стал выдыхаться. Ведь я с четырьмя ранами, много потерял крови, стал сдавать. И вдруг... Опять вспомнишь Бога... Вместе с нами, с людьми, отступает лошадка. Незавидная такая. Идет совсем без сбруи, нет на ней даже уздечки. В общем, вольный конь, а идет вместе с нами, не отстаёт. Я почему-то сообразил, что это мое спасение. Осмотрелся вокруг. Вижу: невдалеке идет какой-то офицер. Подозвал. Подаю ему какой-то пакет индивидуальный, чтобы он из него сделал подобие уздечки и поймал бы мне эту лошадь. Он взял у меня бинт, подошел к лошади (конь не убежал, тоже, видимо, жался к людям).

Конем не управляю, идет сам за людьми. Проехали порядочно. Опущка леса, опять ручеек. Берега крутые, мост взорван. Рядом через ручей переброшено одно большое бревно для пешеходов. Опять задача. Если сойду с лошади и преодолею обрыв на своих ногах - потеряю коня. А идти дальше уже нет сил. Мне было все равно - я направил коня на бревно. Упадём - такая судьба... И, представьте себе, конь мой, как заправский канатоходец, пробрался через бревно, и мы оба оказались на противоположном берегу.

А. ПАРМИНОВ.